

УДК 72.1

ОБРАЗ МЕСТА В МИФОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Белова О. В.

*Белорусский национальный технический университет
Минск, Беларусь*

«Только, когда мы способны проживать, мы можем строить»

М. Хайдеггер

Трудно отрицать, что для архитектора вопрос переживаемости, познаваемости творимого им пространства необыкновенно важен. Ибо архитектура это не просто игра форм и ассоциаций подчиненных неким эстетическим и семантическим законам, не просто «пространство деятельности» и даже не сумма того и другого. Словами Д. Кристофера, она есть «пространственная рама всей нашей жизни», а это много сложнее, ибо жизнь здесь мыслится не просто как существование, но подлинное, осознаваемое и чувствуемое в каждое мгновение бытия.

Человек никогда не переживает мир вокруг себя как совокупность отвлеченных вещей и явлений. Конечно же, он может таким образом изучать мир, описывать и оценивать его, но отнюдь не подлинно переживать. В нашем личностном бытии ничто не дано нам в равнодушно-абстрактной форме, но только исторически, поэтически и эмоционально окрашенным. Ибо подлинно познавать, значит делать близким (Бердяев), «припоминать», пропускать сквозь себя.

В реальной своей жизни мы никогда не переживаем Солнце как некое астрономическое тело, но только как дарящее тепло и жизнь начало (1). Точно так же мы можем рассматривать стол с точки зрения художественного стиля, в котором он выполнен, его материала и конструкций, но в нашем непосредственном, личностном мироощущении он скорее будет центром, вокруг которого собирается вся семья.

Миф же (мифология) по сути своей как раз есть некое «осмысленное», «оживленное» мироощущение, в котором всякое явление и всякая вещь предстают не как нечто абстрактно-изолированное, но как предметы живого человеческого опыта. Ведь он рождается как результат переноса на мир самых универсальных, а потому и самых понятных и близких человеку знаний о сути бытия. Он возникает как освоение мира через себя, как познание «не-я-в-себе». То есть миф есть некое особое, «живое субъект-объектное отношение», «наиболее яркое переживание действительности» (1). Говоря словами

А. Ф. Лосева, миф это не «выдумка или фикция», не «поэтическое произведение», не «примитивно научное построение» и не религия, но «личностная форма» бытия, то есть единственно возможное его реальное переживание.

Вряд ли человек может существовать вне всяких мифов. Будь он религиозным человеком, или атеистом, то и другое предполагает свою мифологию. Мифы окружают нас повсюду. Ведь личностным восприятием пронизан решительно каждый акт нашего сознания (1). Мы живем в мифах, творим их и им же подчиняемся

Здесь важно понять, что миф есть не форма восприятия действительности, но сама действительность. А. Ф. Лосев пишет: нельзя быть православной и носить юбку, которая не закрывает шиколотку, нельзя быть евреем и не обриваться, нельзя быть коммунистом и любить искусство, мифология не велит.

Мифологическое сознание никогда не ставит вопрос о реальности мифа. Оно живет в нем. Ничто не мешает сегодня православному человеку, прекрасно разбираясь в физике, химии и астрономии, при этом не терять веры, а значит и знания того, что мир творим Богом, и что во время второго пришествия мы «воскреснем в телах своих».

Итак, самое важное, что нужно отметить в разговоре о мифе (в русле понимания этого явления А. Ф. Лосевым): он есть не абстрактное, но глубоко личностное восприятие мира, следовательно, он предельно реален, предметен, чувственен, а также, так как личность есть некое становление в истории, он историчен.

Возвращаясь снова к архитектуре нужно сказать, что ей, как и всякому творчеству (искусству), в коем «синтезируется» сознание и бытие (1) дано воплотить, «опредметить» реальное, всегда качественно неоднородное пространство-время подлинного человеческого бытия. И речь тогда пойдет не о пространствах, ансамблях и уж, конечно не о зданиях, но о местах. Ибо переживаем мы, чувствуем не здание и не ансамбль, но Место.

Месту принадлежит совершенно особая роль в развертывании и каждодневной реализации мифа.

В силу своей историчности (1) всякий миф провоцирует трепетное отношение к памятной сохранности и «достоверности» места. Значимое в некой мифологии событие словно освящает собой место, соединяет в единой точке непостижимую вечность и бесконечное пространство, являя их человеку в осязаемых, чувствуемых образах. И в мифах Древней Греции, и в Священном писании вся картина мира, вся его история и все его законы даны нам в неких событиях-местах. Отсюда и паломничество, поклонение Святым (то есть освященным неким особым смыслом) местам. Своего рода это поиск совместности позволяющей проигнорировать время и непосредствен-

но прикоснуться к тем особым знаниям, коие и несет миф... То есть место в мифологической картине мира есть не просто точка в пространстве, которой неким событием даровано имя, но определенный источник познания мифа, «стимул» приобщения к его системе ценностей, оно само есть миф.

Вот, к примеру, как об этом пишет М. Хайдеггер: «Стоя на своем месте, храм впервые придает вещам их вид, а людям дарует взгляд на самих себя. И такой вид, и такой взгляд до тех пор остается разверстым, пока творение остается творением и пока Бог не оставит его. То же самое и скульптурное изображение Бога, которое посвящает ему победитель игр. Бог изображается не для того чтобы было легче принять к сведению, как он выглядит; изображение — это творение, которое дает богу прибывать, а потому, само есть Бог.»

Поэтому святилища, храмы, монументы, это не только знаки, хранящие память места. Они освобождаются от необходимости исторической правдивости, и сами собой освящают место, будучи призваны утвердить и повторить миф, собрав всю его суть в одной точке. Отсюда особые формировавшиеся веками правила построения храмов — каноны, нарушение которых недопустимо. Каждый элемент, каждая мелочь святого (священного) места имеет свой особый смысл, повторяющий общую суть мифа.

«Настольная книга священника» говорит: «Храм по учению святых отцов... преобразенный мир грядущего Царства Божия... Именно из такого представления о храме и вытекают основные принципы его постройки и росписи... Храм земное небо будущего века... Красота храма как бы приподнимает завесу над красотой горнего Иерусалима...» (4)

В мифологической картине мира место никак не есть нечто отвлеченное, живущее само по себе. Оно рождается лишь с появлением человека и существует лишь через человека особым образом переживающим его. Так храм, святилище всегда подразумевают подчиненное определенным правилам общение. Общение человека и места, а вернее человека и мифа посредством места.

Дожившие до наших времен свидетели давно умерших мифов (к примеру, храмы Древнего Египта) очевидно внушают нам совершенно не те эмоции, коими они одаривали своих современников, лишь потому, что мы живем в реальности иной мифологии. В перистиле Карнака мы только археологи, историки, художники или просто туристы и переживаем упомянутое место как памятник истории, архитектуры, как источник тайн, но не как храм. Христианин никогда не ощущает мечеть, так как мусульманин лишь потому, что он не обладает навыками того особого общения, для которого и в котором существует этот храм.

Ритуал (обряд, церемония) — это, пожалуй, наиболее яркое проявление мифологического поведения. Как некое совместное событие, скрепляющее

воедино пространство, время и человека, они являются важным элементом в постижении мифа. И именно они заставляют храм (или иное мифологическое место) звучать в полную силу (2). Изначально немислимый вне некоего особого места, ритуал привносит свои правила в его строение. Как и сама мифология, с одной стороны он объясняет и создает храм (святилище), с другой — сам узаконивается и подтверждается им...

Вот как пишет о храме еще упомянутая ранее «Настольная книга священнослужителя»: «Высокое назначение храма, его духовность, выраженные в богослужении, святых таинствах, обрядах, священных предметах, — вот, что определяло во все времена его внешний вид и содержание» (4)

Центральные площади советских городов, утверждавшие мифологию всеобщего единства и равенства (перед лицом партии), говоря проще, мифологию близости и толпы, подлинно оживали, лишь во время митингов, парадов и демонстраций, ибо были предназначены не для человека, но для масс, не для прогулок, но для прогона танков.

Связь мифа и места глубока, не односторонняя и разнообразна. И было бы ошибкой проследить ее только лишь на примере неких особых, надобитденных сторон человеческой жизни, как то культурной, религиозной, общественной. И в повседневном нашем опыте не одна вещь не дана нам как нечто абстрактно-изолированное, а обязательно как связь, суть, смысл. И, конечно же, это касается пространственной среды нашего обитания, во всех ее проявлениях. Город — это не просто скопление зданий и функций, улица — не путепровод, дом — не просто стены и кровля, а соседство не тождественно общей лестничной клетке. Мифологический строй повседневной жизни сложен и разнообразен, он менее ярок, в нем множество нюансов. Будучи во многом обусловленным определенным культурным опытом, определенной культурной средой, он все же индивидуален для каждого человека, ибо он есть его личностная история. Он рождается из памятных, сакральных, особых мест, развешивается на них как на крючках (3) и сам творит места. Процесс это длительный и сложный, дать ему название и некое исчерпывающее объяснение практически невозможно в рамках данной статьи. Единственно, что следует отметить, что для него необходима архитектура, мыслимая как место, ибо тогда она есть не «отчужденное пространство, но живая вещь не физического, но социального и исторического бытия» (1)

Литература:

1. Лосев А. Ф. *Философия. Мифология. Культура*. — М.: Политиздат, 1991;
2. Морозов И. В. *Архитектурная герменевтика*. — Мн., 1998;

3. Линч К. Образ города. — М.: Стройиздат, 1982;
4. А. А. Шамард «Русское церковное зодчество» — М., 1988;
5. Дей Кристофер Места, где обитает душа. — М.: МП Ладыя, 1994

УДК 728.2.011.75 (476)

ПРИКВАРТИРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ФАСАДА В АРХИТЕКТУРЕ ЖИЛЫХ ЗДАНИЙ: ПРЕДПОСЫЛКИ ОПТИМИЗАЦИИ

Белоусов А.И.

*Белорусский национальный технический университет
Минск, Беларусь*

Характерной чертой постсоветского этапа белорусской архитектуры является стихийное переустройство фасадов многоквартирных жилых зданий, принявшее беспрецедентно широкий размах. Особенно удручающе положение с открытыми площадками — балконами, лоджиями и полулоджиями — которые становятся первыми жертвами бытового вандализма. Соответственно, оптимальная организация приквартирных элементов фасада (балконов, веранд, лоджий, полулоджий и террас — ПЭФ) сегодня стала одной из актуальнейших проблем белорусской архитектуры и обусловила выбор темы нашей диссертации.

ПЭФ — подсистема фасадной поверхности, оболочки жилого здания, которое само является производным от социальных процессов, формирующих архитектуру жилища. Соответственно, оптимизировать ПЭФ следует от общего к частному: от анализа социального заказа и социокультурной ситуации к представлению об оптимальном жилом здании и его фасадной поверхности и, наконец, к форме самих элементов.

Реальность такова, что большинство объемов жилищного строительства Беларуси составляет и в ближайшее время будет составлять жилище массового назначения, его смысл — разумное соизмерение затрат и результатов, получение возможного максимума благ при минимуме вовлеченных ресурсов. Последнее налагает объективные ограничения: жилое здание, помимо официальных норм, должно отвечать требованиям функциональной, конструктивной и экологической целесообразности. Не следует предусматривать элементы и решения, социальная результативность которых незначительна, а затраты на их создание и содержание, таким образом, будут необоснованными.